

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

Галина. А. Золотова
Институт русского языка РАН, Россия

Благодарно оглядываясь на лингвистику ушедшего столетия, нельзя не признать, что развитие филологической мысли играло значительную роль в духовной жизни XX века. Были поиски и находки, были прения и достижения, были и заблуждения. Думаю, не будет слишком оптимистичным обобщение: богатый опыт века привел к тому, что в языкознании возобладали здравые и плодотворные идеи. Может быть, и не такие уж новые.

Что дает основания для оптимизма? Это:

- 1) всеобщий поворот к семантике (всем стало ясно, что нет языка без смысла, как нет моря без воды);
- 2) интерес к коммуникативному процессу, в котором и осуществляется передача смысла, и соответственно к коммуникативным аспектам языка;
- 3) внимание к тексту как способу реализации языковой системы и, по существу, главному объекту лингвистики (ведь отдельные слова и отдельные предложения фигурируют только в словарях и учебниках, как лабораторные препараты, а общаемся мы текстами, разного содержания и объема, разного социального и структурного характера: именно в них - жизнь языка);
- 4) признание всех единиц языка элементами текста, которому они служат своим значением, формой и функцией, что предполагает, в свою очередь, терминологическое уточнение всех трех понятий;
- 5) last but not least - антропоцентрическая ориентированность гуманитарных наук, в лингвистике - это постижение роли говорящего лица: движения его мысли, структурирующей текст, его восприятия мира, его экспрессивно-оценочной эмоции, его отношения с адресатом или к адресату.

Какие же приемы и принципы могут быть результативно применимы к решению столь сложных задач и столь разнородного материала?

Определенные шаги в реализации всех этих идей сделаны в нашей «Коммуникативной грамматике русского языка» (авторы Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко и М.Ю. Сидорова, М., 1998, сейчас готовится следующее издание).

Путь к исследованию текста наметил в 1930 году В. В. Виноградов, тогда еще не академик, а молодой профессор Ленинградского университета, ученый глубокой эрудиции и проникновенного чувства языка. В работе «О художественной прозе» он сформулировал задачу выявить не только языковые, но и речевые единицы с типическими свойствами, поддающимися систематизации, и их взаимоотношения в композиции текстов разного назначения. В 1936 году (это, между прочим, были годы его - как и многих тогда ученых - ареста и ссылки по ложным обвинениям) в работе о стиле пушкинской повести «Пиковая дама» он представил блестящий анализ сложной композиционной структуры текста, движение и пересечение в ней субъектно-экспрессивных сфер персонажей, с их видением событий или самораскрытием, и авторского отношения к изображаемому. Здесь же были выявлены основные средства структурирования текста--видо-временные функции глаголов.

К сожалению, интерес к проблемам текста, оживившийся в середине века, опирался на представление о тексте главным образом как о соединении нескольких предложений. Отсюда - внимание исследователей направлялось не столько на средства выражения текстового смысла, сколько на известные средства связи между предложениями: союзы, частицы, местоимения, лексические повторы или синонимические замены. Вспоминается один пассаж из «Риторики» М.В. Ломоносова, где он сравнивал союзы и другие скрепы в сложном предложении с гвоздями и клеем, которые у хорошего столяра не должны быть заметны. Текстлингвистика, исчерпавшая тогда описания гвоздей и клея, к восьмидесятым годам пошла на спад.

Думаю, что научный анализ любой структуры должен выявить ее единицы, элементарные объекты, как части, интегралы разнообразных комбинаций в составе целого различной сложности.

Определение исходных понятий дальнейших концепционных построений в их последовательных отношениях становится неременным условием существования научной теории текста.

Какие понятия выдвигались на роль единиц текста? Понятия абзаца, сложного синтаксического целого, прозаической строфы, параграфа, главы и под. Конечно, это части, на которые делится целое. Они обычно разделяются и графически, а объединяются некоторой смысловой общностью и более или менее стандартными средствами связи между отдельными предложениями.

Но эти части являются ли структурными единицами текста? Обладают ли они типическими признаками, которые могут сопоставляться и противопоставляться, поддаются ли они таким образом систематизации и отражают ли они существенные свойства языкового видения мира и потребности общения? Думаю, что нет.

Поиск названных признаков, направленный упомянутыми трудами В.В. Виноградова, позволил выявить типы текстовых структур, которые вычлняются, соотносятся и чередуются в тексте любого вида, и письменного и устного, и художественного и делового, и стандартизованного и индивидуального.

Эти типы названы коммуникативными регистрами речи (термин “регистр”, кроме музыковедения, используется в западной филологии для разграничения высокого, среднего и низкого стиля, это иной аспект, стилистический). Коммуникативные регистры – единицы организации и членения текста, отражающие разные ступени восприятия и познания говорящим мира, реального или воображаемого. Каковы различительные признаки коммуникативных регистров? Это:

- 1) пространственно-временная позиция говорящего по отношению к происходящему (в действительности или в воображении): говорящий либо «находится» в хронотопе событий, либо вне его, дистанцированно, на разных ступенях абстракции;
- 2) с этим признаком тесно связан второй способ или тоже ступени познания: чувственно-наглядного или мыслительно--аналитического; модусная рамка говорящего в хронотопе: *Я вижу, я слышу как ...*; модусная рамка говорящего вне хронотопа: *Я знаю, мне известно, что...* Тут играет важную роль также семантический критерий наблюдаемости/ненаблюдаемости действия;
- 3) характер коммуникативных действий говорящего. Комплекс регистровых признаков воплощается в звеньях, или блоках, текстовой структуры - композитивах. Композитивы объединяет общая текстовая функция. Носители текстовых Функций и таксисных отношений - главным образом, предикаты. Поэтому предикативная единица может быть минимальным представителем коммуникативного регистра, но чаще рамки композитива включают в себе ряд регистрово однородных, гомогенных предикативных единиц.

В.В. Виноградов среди множества значений, оттенков, употреблений видо-временных форм русского глагола, обнаруживаемых специалистами во все возрастающем количестве, выделил четыре основных текстовых функции:

- в совершенном виде это - аористив (термин восходит к названию древнерусского времени глагола, но уже в измененном значении) и перфектив;
- в несовершенном виде это - имперфектив длительного процесса и имперфектив характеризующий, узуальный.

Аористив - динамическая функция, аористивные предикаты двигают развитие сюжета, обозначая действия, последовательно сменяющие друг друга:

*Дубровский **вышел** из комнаты, **сел** в коляску и **поскакал** (Пушкин, «Дубровский»); Елена Петровна **погасила** свет, **подошла** к окну, **отодвинула** занавес (Паустовский, «Белая радуга»).*

Перфектив - функция предиката, констатирующая результат совершившегося действия или оценку изменения, наблюдаемого говорящим:

*Ты **видишь**, что молодой человек с дороги устал (Пушкин, «Капитанская дочка»). Каков молодец! Не **струсил**, ей-богу, не **струсил** (Пушкин, «Дубровский»).*

Имперфектив называет длящееся действие или состояние без обозначения его временных границ:

Потом он сидел на террасе и видел, как по аллее тихо шла его жена, направляясь к даче. Она о чем-то думала (Чехов, «Три года»).

Имперфектив характеризующий называет занятия, способности, умения лица, признаки предмета, не локализованные во времени:

Он по-французски совершенно мог изъясняться и писал, легко мазурку танцевал и кланялся непринужденно (Пушкин, «Евгений Онегин»); *Он был генерал, командовал бригадой* (Чехов, «Три сестры»).

Наблюдаемые говорящим или одним из персонажей- перцепторов локализованные в хронотопе действия, события представляют репродуктивный регистр, в его повествовательном подтипе:

Ольга взяла записку, прочла ее и поглядела туда, откуда прибыл паровоз с головной частью поезда (Платонов) -аористивные предикаты последовательных действий в главном предложении и перфективный предшествующего свершения в придаточном.

Локализованные в хронотопе, наблюдаемые пейзажи, портреты, интерьеры представляют репродуктивный регистр в его описательном подтипе:

Мчатся тучи, вьются тучи, невидимкою луна озаряет снег летучий (Пушкин) - предикаты имперфективные.

Нелокализованные, узуальные, суммированные действия, состояния, свойства, занятия представляют информативный регистр в его повествовательном и описательном подтипах:

Она езжала по работам, солила на зиму грибы, ходила в баню по субботам (Пушкин); *Очень уж тихо в лесу по ночам* (Некрасов). Это сфера не прямого наблюдения, а знания.

Генеритивный регистр обобщает жизненный опыт, обычно выходя за пределы текстового времени или в отдельных высказываниях малого жанра: афоризмах, пословицах:

Слово звучит лишь в отзывчивой среде (Чаадаев); *Нам не дано предугать, как слово наше отзовется, И нам сочувствие дается, как нам дается благодать* (Тютчев);

Под лежащий камень и вода не течет (Посл.); *Спеши известности добиться, боимся мы с дороги сбиться, и тропкой торною идем* (Некрасов) - предикаты преимущественно имперфективные.

Еще два регистра (или подрегистра) встречаются главным образом в прямой речи, включаясь, в свою очередь, в репродуктивный текст:

Волонтивный регистр выражает побуждение адресата к действию: *-Иди за меня замуж! сказал журавль цапле. -Как бы нетак!*

В ответе цапли - реактивный регистр, который не содержит сообщения, а выражает экспрессивно-оценочную реакцию на речевую ситуацию: *-Ах, какой пассаж! ... -Черт побери!* (Гоголь, «Ревизор»).

Соотношение предикатов с разными функциями формирует объемное текстовое время и пространство:

Пошел старик к синему морю. (аористив)

Видит: на море черная буря;

Так и ходят сердитые волны, (имперфектив)

Так воем и воют...

Приплыла к нему рыбка, спросила: (аористив)

«Чего тебе надобно, старче?» (вопросительное предложение -волонтивно, побуждает к речевому действию).

Наблюдения над текстом вызывают необходимость в уточнении некоторых грамматических представлений:

1) Три грамматических времени - настоящее, прошедшее и будущее - в однолинейной морфологической парадигме *читал- читаю-буду читать* определяются по отношению к моменту речи как точке отсчета. Но такой подход не дает объяснения, почему, в приведенном отрывке, представляющем одно и то же прошедшее по отношению, скажем, к времени рассказывания, вдруг появляется настоящее время. Этикетка «настоящее историческое» ничего не объясняет: почему *видит* более историческое, чем *пошел*? Анализируя текстовую структуру, можно сказать, что происходит смена точки зрения, смена наблюдающего субъекта в напряженный момент сюжетного времени; настоящее время здесь - это время старика, его видение происходящего.

В «Коммуникативной грамматике» разграничены три временных оси, или три временных плана:

T1 - время физическое, хронологическое; оно необратимо, однонаправленно движется независимо от человека; для текста оно факультативно, может быть и не нужным.

T2 - время текстовое, событийное, порядок его движения целиком в руках автора, говорящего. Помните, что «Евгений Онегин» начинается с момента, когда герой едет к больному дяде, но приезжает он туда только через 50 строф, потому что автор рассказывает нам историю его жизни, воспитания, надолго отступив от сюжетного начала. Как оператор на киносъемке или в телевидении, он может перемещать свой наблюдательный пункт вперед и назад в сюжетном времени, вниз и вверх по уровням конкретности/абстрактности еще свободнее, не ограниченный техническими возможностями аппаратуры.

T3 - это время субъективное, авторское, оно дает автору возможность выходить за рамки событийного времени и улетать мыслью в любые пределы (например, в «Евгении Онегине» рассуждение автора о русских дорогах, которые изменятся «лет через пятьсот») или вступать в общение с читателем.

Каждый из этих временных планов по-разному связан с реальным временем, с временем автора и героев, и так называемый «момент речи» остается условностью, нередко излишней.

2) Второе грамматическое следствие: те функции видо--временных форм глаголов прошедшего времени, которые В. В. Виноградов наблюдал в повествовании о Пиковой даме, как оказалось, составляют лишь центр функционального поля, а на периферии этого поля текстовых функций располагаются не только глаголы непршедшего времени, но и неличные формы глаголов (инфинитив, причастие, деепричастие, девербатив) и неглагольные предикаты тоже. *На море черная буря* - имя процессуального, длительного состояния моря, конечно, имперфективно. Выражение текстовых функций оказывается свойством не глагола как такового, а предиката, в соответствии с его семантикой и текстовым окружением, таксисными связями с соседствующими предикатами.

3) Отсюда - решение вопроса о минимальной текстовой единице. Ею может быть не только простое предложение, но и так называемый полупредикативный конструкт, потому что он является носителем тех же текстовых функций и таксисных отношений с соседними предикатами. Ср. роль инфинитива в испанском *Quiero hablar con usted antes de irme; Una de las mujeres, al verle, dijo...* (соответствует русскому *Одна женщина, увидев его, сказала...* Чехов). Вот фрагмент из «Пиковой дамы» (Герман, пробравшись в дом графини, ждет ее возвращения с бала):

Он услышал дальний стук кареты... Карета подъехала и остановилась. Он услышал стук опускаемой подножки.

Глагольные предикаты здесь аористивны, фиксируют последовательные моменты времени. Но есть еще полупредикативные компоненты, со своими функциями: *опускаемой подножки* - причастие страдательное настоящего времени называет хотя и не очень длительное, но имперфективное действие - девербатив *стук* выполняет разные текстовые функции: подножка опускаемая стукнула одномоментно, этот стук вписывается в аористивный ряд, а вот *дальний стук кареты* (каре́та стучала или

постукивала по мостовой) - это имперфективный компонент, как бы продлевающий напряженное ожидание героя.

Вот примеры коммуникативных регистров.

Вы помните, что роман Л. Толстого «Анна Каренина» начинается с генеритивной сентенции *Все счастливые семьи похожи друг на друга...* Второй абзац представляет информативную экспозицию: *Все смешалось в доме Облонских...* В третьем абзаце начинается движение одной из сюжетных линий: князь Степан Аркадьич Облонский просыпается в своем кабинете на своем сафьяновом диване... - изображаются наблюдаемые действия конкретного персонажа в конкретном хронотопе, в репродуктивно повествовательном регистре с описательными прослойками.

Другой порядок регистровых композитивов в фрагменте из рассказа А. Платонова «Путешествие воровья»:

Но в музыке недоставало чего-то для полного утешения горящего сердца старика. Тогда он положил скрипку на место и заплакал, потому что не все может выразить музыка и последним средством жизни и страдания остается сам человек.

В первом предложении - авторское суждение в информативном регистре, причастие *горящего* в имперфективной функции, у глагола *недоставало* и девербатива *утешения* (полного) семантика перфектива пересиливает морфологические признаки несовершенного вида. Два следующих предиката - аористивные действия старика *положил* и *заплакал*, в репродуктивно-повествовательном регистре. И в последнем предложении - авторское генеритивное обобщение.

В многообразии текстовых форм и конструкций обнаруживаются сходства и различия как основания для их типизации и структурирования речевой системы. Линия текстовых событий взаимодействует с линией восприятия, с меняющейся позицией наблюдателя-перцептора, со вторым планом с -описательно-статическим фоном, ретроспектива с перспективой и т.д.

Как образно сказал О. Мандельштам в статье о Данте: «содержание есть совместное держание времени - сотоварищами, соискателями, со открывателями его».

Кроме вида и времени глагола, для формирования композитивов значимы оппозиции акциональность/неакциональность, наблюдаемость/ненаблюдаемость в семантике предиката, референтность/нереферентность, а также дейктические, модальные, конструктивно-синтаксические показатели.

Итак, коммуникативные регистры речи отражают разные виды познавательного процесса совокупностью языковых средств, выработанных для этого культурно-исторической эволюцией языка. Можно полагать, что коммуникативные регистры, при само собой разумеющихся различиях в технике реализации, принадлежат к категории универсалий, иначе были бы невозможны адекватные переводы текстов. Не случайно поддержку этому тезису находим в философской мысли. По Канту, «всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме». Язык не может не обеспечить средствами эти закономерности мышления.

В «Коммуникативной грамматике» установлены общие для всех текстов регулярные ступени анализа от языкового материала через речевую систему к структуре конкретного речевого произведения; любой текст может стать объектом изучения, обнаруживающим эту регулярность.

Ступень А - языковых единиц (структурно-семантических типов предложения); ступень В - речевых единиц, с их потенциально-регистровой ориентацией, ступень С - тактики автора, руководящего отбором и комбинацией ресурсов для данного текста, ступень D, - стратегии, категории как бы надтекстовой, гипотетической, предполагающей постижение замысла, мировосприятия автора.

Если анализ на ступенях АВ выявляет, из чего строится текст, анализ тактики отвечает на вопрос, как строится текст, анализ стратегии отвечал бы, зачем, для чего этот текст создан.

В докладе я могу проиллюстрировать некоторые приемы авторской тактики только на маленьких текстах фольклорного типа, испанском и русском.

Una vez viajaba por España un inglés. Hablaba un poco de español. Un día él entró en un pequeño café y quería pedir huevos. Pero no conocía la palabra «huevos». -¿Cómo se llama ese animal? - preguntó él al camarero al ver cerca del café un gallo. - Es un gallo - le contestó el camarero. -¿Cómo se llama en español a la amiga del gallo? - preguntó el inglés otra vez. -Se llama gallina – contestó el camarero. -¿Y cómo se llaman los hijos de la gallina? - preguntó el inglés después. -Los hijos se llaman pollos. -¿Cómo se llaman los pollos antes de nacer? - preguntó el inglés. - Se llaman huevos - dijo el camarero. -Muy bien - dijo el inglés. -Por favor, trágame dos huevos, café y pan tostado.

Текст состоит из небольшой экспозиции, соединяющей предикаты авторского повествования (*приехал, вошел*) с описательно-характеризующими, информативными предикатами *habla poco - no conocía la palabra*. Завязку сюжета дает столкновение *quería - pero no sabía*.

Сюжет развивается в диалоге, выстроенном режиссурой англичанина. Как бы вторичная завязка, определившая тактику разговора, обозначена полупредикативной единицей *al ver... un gallo*. Дальше, своими вопросами побуждая *el camarero* к нужным ему ответам, он по логическим ступенькам приходит к искомому. Автор рассказа остается за сценой, сопровождая реплики скупыми ремарками *спросил - ответил*.

Вот известная русская фольклорная прибаутка:

- Тит, иди молотить! - Брюхо болит. - Тит, иди кашу есть! - Где моя большая ложка?

Здесь совсем нет рассказчика, ведущего сюжет, но тактика организации репродуктивного диалога заставляет слушателя самого обнаружить имплицированный в тексте смысл, как будто и не выраженный автором.

Текст содержит две пары лаконичных реплик персонажей. В первом предложении приглашение Тита к одному действию, во втором - мотивация Титом отказа «по уважительной причине», в третьем - приглашение к другому действию, в четвертом - оживленная реакция согласия.

Текстовая тактика побуждает слушателя проделать умственную операцию, сопоставив две реакции героя, вторая из которых опровергает первую. В результате в голове слушателя возникает образ хитрого лентяя и обжоры, что и соответствовало стратегическому замыслу автора, хотя автор таких характеристик словесно не выражал.

Так при сдержанно-нейтральном, лишенном экспрессии участии рассказчика в первом тексте и при полном отсутствии позиций его во втором, авторы текстов достигают совершенно определенного отношения слушателя-читателя к своим хитроумным героям: деловитому, находчивому, логически мыслящему гостю (наверно, не без иронии к гостям, не знающим языка) и к пустому бездельнику Титу. За тактикой автора скрывается стратегия оценки.

Над коммуникативной функцией речи воздвигается «подчиненный эстетическим, а также социально-историческим закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений» (писал В. В. Виноградов в 1962 году). В этом мире речевым поведением персонажей, их взаимоотношениями и восприятием читателя - слушателя управляет возникающий в произведении «образ автора».

Так грамматика, лексика, семантика и учение о тексте взаимно обогащают и корректируют друг друга.

Учение о тексте, о его композиции встает на более прочную языковую почву, а грамматическое учение становится более гуманитарным, способствуя филологии служить, по словам Л.В. Щербы, «раскрытию того духовного мира, который скрывается за словом».

Литература

- Виноградов, В. В. (1980): О художественной прозе, *Избранные труды*, Москва.
- Виноградов, В. В. (1980): Стиль 'Пиковой дамы', в *Избранные труды*, Москва.
- Золотова, Г.А. (1982, 2-е изд. 2001): *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*, Москва.
- Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. (1998): *Коммуникативная грамматика русского языка*, Москва.
- Сидорова, М.Ю. (2000): *Грамматика художественного текста*, Москва.
- Щерба, Л.В. (1957): *Избранные работы по русскому языку*, Москва.